

Медный кувшин (16 глава)

Энсти Гатри Томас

????????????? ??????????.

К счастью для Вентимора, внезапный ужас, охвативший его, когда он убедился, что непостижимый джинн покинул его в самом начале церемонии, остался незамеченным, так как старшина цеха литейщиков пришел к нему на помощь. Он представил его Лорду-мэру, который с учтивостью, полной достоинства, сошел на нижнюю ступеньку эстрады, к нему навстречу.

— Г. Вентимор, — приветливо сказал главный сановник города, пожимая руку Горация, — позвольте мне выразить Вам, что я считаю это большой, если не величайшей честью, выпавшей мне на долю, хотя за время моей службы я имел счастье принять более, чем обычное число знатных посетителей.

— Милорд, — сказал Гораций вполне искренне, — выслушайте меня, я... я всей душой желал бы чувствовать за собой заслуги, оправдывающие этот... этот блестящий комплимент.

— О, — ответил Лорд-мэр отечески шутливым тоном. — Скромность, мой уважаемый, я понимаю! Как все истинно великие люди! Прекрасная черта! Позвольте представить вас шерифам.

Шерифы были в восторге. Гораций пожал им обоим руки и чуть было не сунул руку и булавоносцу с меченосцем; только у тех руки были заняты.

— Настоящая церемония, — сказал Лорд-мэр, — будет иметь место в большом зале, что вам, без сомнения, известно.

— Я... мне это дали понять, — пробормотал Гораций с замиранием сердца. Он было надеялся, что худшее уже миновало.

— Но прежде чем мы последуем туда, — сказал хозяин, — вы позволите предложить вам легкую закуску, так, кое-что.

Гораций не был голоден. Но он думал, что, может быть, стакан шампанского поможет ему выдержать церемонию с большим достоинством. И потому он принял приглашение и позволил подвести себя к импровизированному буфету в конце библиотеки, где он подкрепился к предстоящему испытанию бутербродом с икрой и стаканом лучшего шампанского из думских погребов.

— Все собираются уничтожить гильдии, — сказал Лорд-мэр, взяв себе тартинку с анчоусом, — но я стою на том, г. Вентимор, я стою на том, что наши древние обычаи, наши почтенные традиции являются связью с прошлым, и эту связь мудрый государственный муж всегда постарается сохранить неприкосновенною.

Гораций согласился, с горечью вспоминая о своей связи с гораздо более отдаленным прошлым, к которому он так неосторожно прикоснулся.

— Кстати, о древних обычаях, — продолжал Лорд-мэр с оттенком гордости и как бы извинения, — вы скоро увидите образец наших устаревших обрядов, которые, пожалуй, покажутся вам странными.

Гораций, чувствуя себя совершенным идиотом, пробормотал, что он в этом не сомневается.

— Прежде нежели принять вас в число почетных граждан, старшина и пять чинов из корпорации

литейщиков выступят свидетелями в вашу пользу и присягнут, что вы «человек с незапятнанным именем и репутацией» и что (вам будет смешно это слышать), что вы домогаетесь почетного гражданства не с целью обобрать королеву или город. Ха-ха! Удивительный способ выражения, не правда ли?

— Очень странный, — согласился Гораций с виноватым видом и несколько озабоченный умственным состоянием сановника.

— Простая формальность! — сказал Лорд-мэр. — Но я первый пожалел бы об исчезновении этих старинных живописных обычаев. По-моему, — прибавил он, кончая ломтик страсбургского пирога, — современное стремление уничтожить всю эту старину (обветшалую или нет) является одним из тревожней-ших симптомов нашего века. Вам не угодно еще шампанского? В таком случае, не лучше ли нам будет отправиться в Большую залу, где произойдет событие дня.

— Я боюсь, — начал Гораций, внезапно вспоминая несоответственность своего восточного одеяния, — я боюсь, что надел не вполне подходящее платье для такой церемонии. Если бы я знал...

— Ни слова больше. Ваш костюм великолепен, ну право же великолепен и... и очень кстати в данном случае, уверяю вас. Но я вижу, гофмаршал ждет, чтобы мы открыли шествие. Угодно вам тронуться в путь?

Оркестр грянул марш жрецов из «Гофолии» и Гораций с затуманенной головой двинулся вперед. За ними последовали члены Земельного Комитета города, шерифы и прочие сановники. Через картинную галерею они прошли в Большую залу, где о приближении их возвещено было звуками труб. Зала была набита битком народом, и Гораций стал предметом всеобщего внимания, что наполнило его душу восторгом и гордостью, если бы он мог почувствовать, что действительно сделал что-нибудь полезное, но нелепо же было воображать себя благодетелем рода человеческого, освободив заключенного джинна и возвратив его обществу и жизни.

Его единственным утешением было сознание, что англичанам не свойственны излишества чувств без очень основательных причин и что, без сомнения, еще до окончания торжества ему удастся сообразить, какие особые его заслуги вызвали весь этот стремительный порыв энтузиазма.

А пока он стоял на эстраде, задрапированной пурпуром и разукрашенной цветами, непрерывно кланялся и старался верить, что не кажется таким же безнадежным дураком, каким чувствует себя сам. Солнечные лучи, падая вниз, между готическими балками, пестрили темные каменные стены золотыми узорами; электрический свет в больших круглых люстрах казался бледным и слабым по сравнению со сверканием цветных стекол; воздух был наполнен ароматом цветов и духов. В толпе послышался шорох ожидания, а потом наступила пауза. И тогда Горацию показалось, что всем на эстраде было так же неловко, как и ему, и что, как и он, никто не знает, что делать дальше.

Он желал всей душой, чтобы они как-нибудь наскоро покончили с церемонией и отпустили его.

Наконец процедура началась с того, что присутствующие сделали вид, будто собрались здесь для обычных повседневных дел, что в ту минуту показалось Горацию в высшей степени ребячливым. Было решено, что первые четыре пункта программы дня не требуют обсуждения, и это сразу привело к пункту пятому.

Пункт 5-й состоял в резолюции, прочитанной секретарем города, о предоставлении прав почетного гражданства Горацию Вентимору, эсквайру, гражданину и литейщику (последнее было новостью для Горация, но он смутно решил, что, должно быть, это как-нибудь устроили, пока он закусывал в библиотеке) за оказанные им услуги, продолжал секретарь, и Гораций стал внимательно прислушиваться, — особенно по отношению к... Увы! На этом месте с чиновником случился приступ кашля и можно было уловить только конец фразы:

— За что соотечественники справедливо выражают ему свои чувства благодарности и восхищения.

Потом шесть свидетелей выступили вперед и поручились за Вентимора. У него мелькнуло мучительное сомнение в том, ясно ли они сознают принимаемую на себя ответственность, но было поздно предупредить их, и ему оставалось только надеяться, что они более знают об этом деле,

чем он.

После этого городской казначей принялся читать ему адрес, и Гораций слушал с покорным недоумением. Казначей упомянул о единодушии и об энтузиазме, с которыми была принята резолюция, и сказал, что для него это приятная и почетная обязанность, как представителя древнего города, обратиться с «несколькими словами» (выражение, по-видимому, мало соответствовавшее истине) к виновнику торжества, внесение имени которого в список почетных граждан города Лондона является честью скорее для них, чем для него.

Это было лестно, но Горацию такие любезности показались преувеличенными почти до неприличия, хотя, конечно, это зависело от величины его заслуг, о которых ему еще предстояло узнать. Оратор приступил к чтению «Почетного перечня славных лондонских граждан» и Гораций содрогнулся от священного ужаса.

Боже, что там были за имена! Какие геройские поступки! Как могло случиться, что он — самый обыкновенный Гораций Вентимор, перебивающийся архитектор, прозевавший свой единственный шанс, мог совершить (к тому же совершенно бессознательно) что-либо, не являющееся комично-незначительным в сравнении с теми великими деяниями?!

У него появилась болезненная фантазия, будто мраморные богини или те неведомые фигуры напротив него, которыми украшено подножие памятника Нельсону, глядят на него с леденящим презрением и негодованием, будто статуя Веллингтона признала в нем отъявленного обманщика и отвернула голову с холодной надменностью и будто изображение Лорда-мэра Бэк-форда, справа от эстрады, вот-вот оживет и разоблачит ложь.

— Приступаю теперь к перечислению ваших собственных выдающихся заслуг, — услышал он вдруг. — Вы, должно быть, знаете, милостивый государь, что обычно упоминается только самая главная из них, которую сочли достойной всенародной признательности.

Гораций почувствовал облегчение и подумал, что это — самая разумная и, в данном случае, самая необходимая формальность.

— Но при данных обстоятельствах, — продолжал оратор, — я чувствую — и это чувство, несомненно, разделяется всеми присутствующими, — что было бы излишне, почти дерзко, утомлять слух собрания сухим перечнем деяний, с которыми оно и так более чем знакомо. — Здесь его прервали оглушительными и длительными аплодисментами, после чего он продолжал: — И потому, мне остается только позвать от имени Корпораций вашу руку, как почетному гражданину города Лондона.

Говоря это, он протянул Горацию копию присяги на верноподданство, которую тот должен был прочитать вслух. Вентимор не имел ничего против того, чтобы присягнуть на верность и преданность «Великой Государыне нашей, Королеве Виктории», или на повиновение Лорду-мэру и поклясться в готовности открывать ему всякие заговоры против королевы, если он узнает о таковых. И потому он довольно бодро принес присягу, в надежде, что теперь, уж наверно, церемония пришла к концу.

Однако, к его великому горю и ужасу, Лорд-мэр встал с явным намерением произнести речь. Он сказал, что решение города почтить Горация Вентимора величайшей честью было принято — здесь он замялся, — было принято несколько поспешно. Лично он предпочел бы иметь больше времени для подготовки праздника, более соответствующего и достойного такого исключительного случая. Он уверен, что его чувство разделяют все (так, очевидно, и было, судя по громким, единодушным аплодисментам), однако, по причинам... по причинам, всем известным, срок подготовки был слишком недостаточен. Корпорация уступила (для нее всегда было и будет удовольствием и гордостью уступать) непреодолимому желанию народа и сделала все, что было возможно, в такой ограниченный, можно сказать, беспримерно ограниченный срок. Он осмеливается утверждать, что самый прекрасный лист в сегодняшнем лавровом венке г-на Вентимора — это необыкновенный энтузиазм и единодушие не только здесь, в этом величественном зале, но и на улицах обширной столицы. В данном случае это является достойной данью любви и восторга, которые г. Вентимор сумел внушить всему великому народу, богатым и бедным, знатным и простым. Он не задержит больше своих слушателей. Ему остается только попросить г-на Вентимора принять золотой ларец со списком почетных граждан, и он уверен, что их знаменитый гость, перед тем, как вписать свое имя в список, почтит их изложением событий, в которых он играл такую замечательную и выдающуюся

роль.

Гораций машинально взял ларец. Раздался единодушный крик: «Речь!», в ответ на который Гораций беспомощно и умоляюще покачал головой, но напрасно. Он очутился у перил эстрады, и гром аплодисментов избавил его почти на две минуты от необходимости всякой попытки заговорить.

Он воспользовался этим промежутком, чтобы привести в порядок свои мысли и подумать о том, что ему лучше всего сказать или сделать в данном затруднительном положении. Уже некоторое время в его мозгу зародилась мысль, которая теперь почти перешла в решение. Он чувствовал, что прежде, чем скомпрометировать себя или позволить так любезно принявшим его властям погубить безвозвратно их репутацию, должен выяснить свое положение, и хотя бы только для этого ему необходимо произнести какую-нибудь речь. Решившись, он почувствовал себя свободным от нервозности, замешательства и неловкости. Убеденный, что лучшим исходом будет полная откровенность, он обратился к собранию спокойно и неустрашимо.

— Милостивые государи и милостивые государыни, — начал он звонким голосом, который достиг до самой отдаленной галереи и сразу привлек внимание. — Если вы ожидаете от меня рассказа о том, что я совершил, чтобы удостоиться подобного приема, то боюсь, что вы будете разочарованы. Ибо лично я убежден, что абсолютно ничего не сделал.

Послышался общий крик: «Нет, нет!» — и возбужденный ропот протеста.

— Очень приятно слышать ваши приветствия и я премного благодарен вам за все это. Но все-таки должен повторить, что не знаю за собой ни одной заслуги перед страной или нашим великим Городом, которая достойна была бы хоть какой-нибудь признательности с вашей стороны. Я хотел бы сознавать обратное... но сущая правда заключается в том, что если я и сделал что-либо, то факт этот окончательно и безнадежно ускользнул из моей памяти.

Опять послышался ропот уже с некоторым оттенком раздражения, и он услышал, как Лорд-мэр, позади него, заметил городскому казначею, что речь эта совсем не подходит к случаю.

— Я знаю, что вы думаете, — продолжал Гораций. — Вы думаете, что это ложная скромность с моей стороны. Но ничего подобного! Я не знаю, что я сделал, но ласкаю себя надеждой, что вы все лучше осведомлены. Потому что Городская Дума не вручила бы мне этой прекрасной шкатулки... Вы не собрались бы сюда все, если бы вы не были твердо уверены, что я чем-нибудь заслужил это. — Новый взрыв аплодисментов. — Вот именно! — начал Гораций спокойно. — Теперь не будет ли кто из вас так любезен сказать мне в нескольких словах, в чем моя предполагаемая заслуга.

Его слова были встречены гробовым молчанием и каждый с бледной улыбкой смотрел на своего соседа.

— Ваша милость, — сказал Гораций Лорду-мэру, — обращаюсь к вам с просьбой: объясните мне и этому достойному обществу, чего ради мы собрались сюда!

Лорд-мэр встал.

— Считаю достаточным сказать, — заявил он с достоинством. — что представители города и я единодушно решили даровать вам ого звание по причинам, которые излишне и гм... гм... неуместно разбирать здесь.

— Мне очень жаль, — продолжал Гораций, — но я должен настаивать, и не без цели... Может быть, городской казначей мне ответит?... Нет? В таком случае, секретарь города?... Тоже нет? Я так и думал. Никто из вас не может дать мне объяснений, л знаете ли, почему? Потому что объяснять нечего. Прошу вас, потерпите еще секунду. Я знаю, что вы чувствуете себя неловко, но поймите, что я чувствую себя бесконечно хуже. Никак не могу принять почетного гражданства, если есть хоть малейшее сомнение в действительности моих заслуг. Это было бы плохой благодарностью за ваше гостеприимство и к тому же низко и непатриотично, если б я позволил вам почтить недостойного столь высоким отличием, которое от этого утратило бы цену. Если после всего, что я вам скажу, вы все еще будете настаивать на том, чтоб я принял эту честь, я, конечно, не буду столь невежливым, чтоб отказываться. Но в самом деле я не чувствую, за собою права вписать мое имя в ваш славный

список безо всяких объяснений. Если я это допущу, то этим невольно подпишу, пожалуй, смертный приговор самому установлению.

Все затаили дыхание, молчание стало до того напряженным, что можно было бы услышать падение булавки. Гораций прислонился к перилам боком так, чтобы видеть лицо Лорда-мэра, а также часть своей аудитории.

— Прежде чем продолжать, — сказал он, — я предложил бы, с вашего позволения, немедленно удалить всех репортеров.

За репортерским столом тотчас послышался злобный ропот недовольствия, к которому присоединились и многие из гостей.

— Мы, по крайней мере, — произнес красный от досады Лорд-мэр, вставая, — не имеем оснований бояться огласки. Я отклоняю предложение и отказываюсь делать подобные распоряжения.

— Прекрасно, — согласился Гораций, когда замолк хор одобрений. — Мое предложение имело в виду настолько же интересы городского управления, насколько и мои собственные. Я только полагал, что когда вы ясно поймете, как грубо вы были обмануты, то вам будет приятнее, по возможности, избежать обнародования подробностей в газетах. Но если вам особенно хочется, чтобы вас расславили по всему свету, тогда, конечно...

Толпа зашумела, и Лорд-мэр воспользовался этим, чтобы велеть закрыть двери до дальнейших распоряжений.

— Не осложняйте же того, что и так неприятно и затруднительно, — сказал Гораций, как только шум прекратился. — Неужели вы думаете, что я явился бы сюда в этом дурацком платье, злоупотребляя гостеприимством города, если бы мог этого избежать! И если вы были завлечены сюда обманом, то обманут был и я. Если вас поставили в несколько глупое положение, то что оно в сравнении с моим? Дело в том, что я жертва сверхъестественной силы, которую абсолютно не в силах побороть...

Опять толпа заволновалась и прервала его на некоторое время.

— Я прошу только справедливости и терпения! — попросил он. — Не откажите мне и этом, и я берусь вернуть вам хорошее настроение, прежде, чем кончу.

Они вняли его мольбе и дали ему возможность продолжать.

— Дело вот в чем: некоторое время назад я случайно попал на аукцион и купил большой медный сосуд...

По необъяснимой причине, его последние слова вызвали просто бешенство: никто не желал слышать о медном сосуде! И всякий раз, когда он пытался возвратиться к своей теме, его заставляли умолкнуть: выли, свистали, стонали, грозили кулаками, гам был положительно невыносим.

Не одни мужчины принимали участие в демонстрации; одна дама, очень известная в высшем обществе, по чье имя мы сохраним в тайне, до того увлеклась негодованием, что кинула в дерзкую голову Горация тяжелый граненый флакон с нюхательной солью. К счастью для него, флакон пролетел мимо и попал в кого-то из властей. Горацию было не до наблюдений, но все же ему показалось, что он попал городскому Архивариусу чуть ли не в жилетный карман.

— Будете ли вы меня слушать? — крикнул Вентимор. — Я не шучу! Я еще не сказал вам, что оказалось в сосуде. Когда я открыл его, оттуда...

Он не мог продолжать. Как только эти слова слетели с его губ, он почувствовал, что кто-то схватил его за шиворот и приподнял над землей.

Его потащили вверх, мимо больших люстр, между резными и золочеными балками при всеобщем вопле недоумения и ужаса. Внизу он видел бледные лица, обращенные кверху, и слышал вскрикивания и хохот нескольких высокопоставленных дам в жестокой истерике. В следующую за тем

минуту он очутился в стеклянном фонаре, решетчатые оконца которого подались, как пропускная бумага, когда он продвинулся сквозь них и оказался на крыше, где встревоженные голуби шумно вспорхнули и тотчас улетели прочь.

Конечно, он знал, что это сенсационное похищение — дело рук джинна, и чувствовал скорее облегчение, чем беспокойство от этого упрямого метода, примененного Факрашем. ибо на этот раз последний, по-видимому, нашел лучший выход из положения, которое с каждой минутой становилось нестерпимее.

К О Н Е Ц

Скачивая сказку "Медный кувшин (16 глава)" Вы подтверждаете что будете использовать ее исключительно в ознакомительных целях и позже обязательно приобретете ее бумажный вариант.

Еще больше сказок для вас и ваших детей на сайте "В мире сказки" (vmireskazki.ru)